

© 2011 г.

Н.И. ЕГОРОВА, И.В. ГАЙДУК

«КЕМБРИДЖСКАЯ ИСТОРИЯ “ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ”»

Выход в 2010 г. в свет трехтомной «Кембриджской истории “холодной войны”»¹ является важным этапом в развитии историографии этой по-прежнему актуальной темы. Как отмечают редакторы издания – профессор Вирджинского университета М.П. Леффлер и профессор Лондонской школы экономики и политических наук О.А. Вестада, – «постепенное превращение “холодной войны” в достояние истории, несмотря на влияние ее политического наследия на современные процессы, наряду с открытием многих архивов, обусловили необходимость и возможность создания широкого, систематического и аналитического обзора глобального конфликта, который оказывал свое воздействие на формирование международной системы и жизнь общества во второй половине XX в.» (с. XV).

«Кембриджская история “холодной войны”» не является коллективной монографией. Каждый том этого фундаментального издания представляет собой сборник статей, объединенный общей исследовательской темой: т. I “Происхождение”; т. II “Кризисы и разрядка”; т. III «Окончание “холодной войны”». Авторский коллектив, состоящий из 73 ученых из 18 стран и включающий как известных специалистов, так и молодых исследователей, в целом ставил перед собой комплексную задачу разьяснения причин, динамики и последствий “холодной войны” на основе рассмотрения влияния геополитических, идеологических, социальных и экономических факторов, сложившихся в межвоенный период и после окончания Второй мировой войны. Новизна исследования проявляется не только в выходе за традиционные рамки дипломатической истории и рассмотрении процесса влияния экономики, идей, культурного взаимодействия на послевоенную политику и стратегическое мышление основных участников “холодной войны”. По определению редакторов издания, «Кембриджская история “холодной войны”» является “международной историей” (с. XVI); она призвана внести вклад в расширение поля исследований – от изучения национальной политики к более широкому международному подходу. Помимо внимания авторов к взаимоотношениям США и СССР, в трехтомнике широко представлены сюжеты, посвященные рассмотрению связанных с “холодной войной” событий в Восточной Европе, на Балканах, в Восточной Азии, на Ближнем Востоке. Таким образом, помимо участия в “холодной войне” сверхдержав, прослеживается роль других стран в международной конфронтации, что становится одной из важных характеристик написания новой истории “холодной войны”.

Помимо новизны методологических подходов, трехтомник предоставляет возможность познакомиться с новыми интерпретациями ряда конкретных проблем “холодной войны”, что дополняет современную историографию. По словам Вестада, в результате

Егорова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению «холодной войны» Института всеобщей истории (ИВИ) РАН.

Гайдук Илья Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН.

¹ The Cambridge History of the Cold War, v. 1–3. Cambridge, 2010.

методологического плюрализма современной исторической науки и интернационализации профессионального сообщества, историческое знание становится “менее определенным, а область противоречивых интерпретаций более широкой” (с. 2). Весомым дополнением к историографической части трехтомника служат библиографические очерки, помещенные в конце каждого тома. Они включают написанные авторами статей краткие обзоры источниковой базы и научной литературы по рассматриваемым проблемам.

Первый том “Происхождение” (хотя в отдельных случаях изложение доводится до начала 1960-х годов), несет на себе значительную теоретическую нагрузку. В контексте конкретного материала, который содержится в статьях, интерпретируются принципиальные и все еще дискуссионные вопросы об истоках “холодной войны”, ее решающих факторах, о том, являлась ли послевоенная конфронтация неизбежной. Авторы первого тома специально не акцентируют внимание на определении понятия “холодная война”; в основном для ее характеристики используются термины “конфликт” (стратегический, идеологический), “соперничество” между США и СССР (с. XV, 10, 11), “соревнование (конфронтация) двух различных социальных систем” (с. 13, 36, 55). Можно сделать вывод о наличии у авторского коллектива консенсуса относительно характеристики сущности “холодной войны”, хотя некоторые авторы отмечают ее связь с “международной системой” (с. XV, 19).

Среди основных вопросов, относящихся к происхождению “холодной войны”, редколлегией и авторами тома с позиций современного исторического знания проанализированы как традиционные (роль идеологии, создание ядерного оружия, “план Маршалла”, глобальная стратегия США и СССР, советизация Восточной Европы, раздел Германии, война в Корее), так и менее изученные проблемы. Открывающую первый том статью Вестада «“Холодная война” и международная история XX в.», акцентирующую внимание на эволюции историографии, можно назвать введением к последующим статьям, которые заставляют обратить внимание на общие признаки новизны в индивидуальных интерпретациях. Вестад анализирует “холодную войну” во взаимосвязи с кардинальными процессами истории всего XX в.: эволюцией либерального капитализма и его авторитарных альтернатив (в том числе коммунизма); воздействием экономических кризисов и двух мировых войн; развитием науки, технологии, культуры и идей (марксизма, дарвинизма). Развивая взгляды, изложенные в монографии «Глобальная “холодная война”»², Вестад обращает особое внимание на крушение колониальной системы и распространение “холодной войны” на страны “третьего мира”, которая характеризовалась борьбой между двумя моделями прогресса – либеральным капитализмом и социализмом – и активной вовлеченностью США в политику новых независимых государств, обусловленную ходом исторического развития Америки XX в. (с. 11).

По мнению Вестада, определение места, которое занимала “холодная война” в истории XX в., способствует лучшему пониманию происходивших в мире глобальных изменений и причин окончания конфронтации (с. 17, 18). В то же время, обосновывая точку зрения о необходимости расширения хронологических и географических рамок исследования феномена “холодной войны”, Вестад подчеркивает, что «учитывая наличие сомнений, все еще сопровождающих изучение “холодной войны”, любое рассмотрение ее в более широком контексте должно быть осторожным и тщательным» (с. 8).

Расширение временного пространства при изучении “холодной войны” позволяет Д. Энгерману, сосредоточившему свой анализ на роли идеологии, вести отсчет конфронтации с революционных событий в России в 1917 г. Эта датировка истории “холодной войны” все реже встречается в современной историографии, фокусирующей внимание на противоречиях союзников и международных событиях, последовавших за окончанием Второй мировой войны. Но интерпретация Энгермана отличается от существующих утверждений о начале “холодной войны” в 1917 г. Автор, обращаясь

² Westad A.O. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of our Times. Cambridge, 2005.

к сравнительному анализу различий и сходства американского мессианизма либерального толка и детерминистского универсализма советской идеологии, считает названную дату лишь “запуском” американо-советского конфликта, который к 1947 г. принял свои окончательные формы как “конфронтация между двумя различными социальными системами, каждая из которых стремилась к экспансии” (с. 36). Энгерман отмечает, что не всю “холодную войну” можно объяснить идеологическим противоборством (снижением роли идеологии в советской внешней политике после отставки Н.С. Хрущева, опорой Р. Никсона на национальные интересы в советско-американских отношениях и др.). Вместе с тем Энгерман полагает, что “холодная война” была неизбежной, поскольку каждая сторона стремилась изменить мир в соответствии со своим пониманием социального прогресса, что исключало длительность мирного сосуществования (с. 23).

В статье М.П. Леффлера и В.О. Печатнова, посвященных соответственно американской и советской глобальной стратегии с конца Второй мировой войны до начала 1950-х годов, вызревание и формирование политики “холодной войны” рассматривается в традиционных пространственно-временных рамках. Однако обращение авторов к многофакторному подходу и привлечение новых архивных документов позволяет скорректировать ряд устоявшихся оценок.

Леффлер подчеркивает изначальную ставку президента США Г. Трумэна на использование военной мощи с целью обеспечения безопасности и создания международных условий, отвечающих американским интересам, а также подчинения СССР и Великобритании лидерству США. В этом контексте Леффлер связывает атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки (помимо надежд Трумэна на капитуляцию Японии до вступления в войну СССР) с расчетами на использование этого свидетельства американской мощи в качестве аргумента для получения уступок от И.В. Сталина. Однако Леффлер отрицает, что атомная бомба была использована с целью формирования дипломатии послевоенного мира (с. 70), что явно противоречит предыдущему его утверждению. В результате проведенного исследования с привлечением большого фактического материала, анализа взглядов советников президента и представителей госдепартамента (прежде всего Дж. Кеннана) Леффлер приходит к принципиальному выводу о постепенном формировании администрацией Трумэна не просто стратегии ядерного “устрашения” и “сдерживания”, а именно победы в “холодной войне” (с. 77, 88). Таким образом, эпохе Трумэна придается дополнительная значимость с точки зрения ее долгосрочного влияния на последующее стратегическое мышление творцов американской политики. Автор отмечает, что президент США считал инициатором “холодной войны” Советский Союз. По мнению Леффлера, стратегия, сформировавшаяся в годы президентства Трумэна и развивавшаяся в последующие десятилетия, имела сильные и слабые стороны, но в конечном итоге она действительно привела к победе (с. 88). На наш взгляд, этот вывод сближает Леффлера с “триумфалистами”, приписывающими США все заслуги в окончании “холодной войны” и, таким образом, целиком оправдывающими послевоенную внешнюю политику США.

Обращаясь к статье В.О. Печатнова, необходимо отметить, что этот историк – единственный, кто представляет в трехтомнике российскую историографию. Факт минимального представительства российской науки достоин сожаления; это негативно отражается, например, на освещении в первом томе внутренних проблем СССР, на которые оказывала свое воздействие “холодная война”. В статье Печатнова использованы многие новые документы из российских архивов, в том числе из малодоступного для исследователей Архива Президента РФ. Опираясь на эту документальную основу, автор доказывает, что в первые послевоенные годы в стратегическом мышлении Кремля преобладали интересы обеспечения безопасности, обусловленные как внешними, так и внутренними условиями. “Оборонительный экспансионизм” Сталина был связан с его геополитическим мышлением, весьма близким к имперским устремлениям царской России и усиленным большевистской идеологией (с. 92). В непрекращающихся историографических дискуссиях относительно факторов усиления конфронтации между западными союзниками и СССР после окончания Второй мировой войны Печатнов

придерживается концепции послевоенного раздела “сфер влияния”. Автор подчеркивает намерение Сталина сохранить стабильные отношения с Западом по ряду причин, включая желание утвердить свою сферу влияния в Восточной Европе. Но это не исключало недовольства Сталина бывшими западными союзниками и жесткого отстаивания им советских интересов на переговорах 1945–1947 гг. по послевоенному мирному урегулированию (с. 94, 95, 102).

Печатнов считает 1946 г. поворотной точкой в распаде Великого союза, за которой последовал постепенный дрейф СССР к “холодной войне”: отказ от “плана Маршалла”, создание Коминформа, противоречивость политики Сталина в германском вопросе (с. 103). Касаясь советско-китайских отношений, укрепившихся после победы коммунистической революции в Китае в 1949 г., Печатнов документально подтверждает, что в сталинской внешней политике национально-освободительная борьба занимала мало места. Автор называет Сталина “великим стратегом” (с. 97) и в то же время пишет о многих просчетах советского лидера в Иране, Турции, Корее. Статья завершается выводом, что Сталин и его соратники вовлекли истощенную войной страну в длительную борьбу с мощным Западом, которую невозможно было выиграть, но, учитывая характер сталинского режима и внешние угрозы, они вряд ли могли поступить иначе. Таким образом, “холодная война” была предопределена (с. 110, 111).

С рассмотрением американских и советских стратегических планов в первые послевоенные годы связаны статьи А. Дейтон о политике Великобритании и Г.-П. Шварца о разделе Германии. Привлекая новые документальные свидетельства, в частности документы разведки, и большой фактический материал, Дейтон подчеркивает, что вопреки официальным заявлениям о единоличной ответственности СССР за разрыв между Востоком и Западом Великобритания сыграла в этом разрыве значительную роль (с. 121). Особую новизну статье придает раздел о влиянии “холодной войны” на внутривнутриполитическое развитие Великобритании, которая смогла избежать крайностей американского маккартизма, но все же использовала средства, подрывавшие ее демократическую систему (с. 124). Вместе с двумя статьями первого тома, посвященными внутренней политике США и СССР, обращение автора к состоянию британского общества и его институтов вносит вклад в разработку этой пока недостаточно изученной составной части “холодной войны”. В результате проведенного исследования Дейтон приходит к выводу, что национальные условия (для Великобритании большое значение имели Содружество, колонии, процесс деколонизации и “третий мир”) влияли на специфику “холодной войны” в каждой стране (с. 130–131).

Г.-П. Шварц в своей статье стремится не только показать, как нерешенный вопрос о совместной оккупации Германии привел к “холодной войне”, но и дать ответ на дискуссионные вопросы, связанные с политикой раскола Германии в 1945–1949 гг. В частности, рассуждая о краткосрочных и долгосрочных целях Москвы, автор показывает, что Сталин в 1945–1953 гг. выступал за единство Германии, но на советских условиях (с. 146). Шварц считает, что советский лидер преследовал свои цели с позиций слабости (учитывая и то, что западные державы оккупировали две трети территории Германии). В конечном счете, в “великой игре за Германию” Сталин оказался проигравшим, но он сумел удержать важные стратегические позиции в центре Европы: ГДР служила надежной стеной, которая отделяла Польшу от Запада (с. 149). Касаясь продолжающихся споров историков о том, кто виноват в разделе Германии, Шварц полагает, что каждая из четырех великих держав несет за это свою долю ответственности (с. 151, 152).

Процесс советизации стран Восточной Европы и балканских стран, входивших в советскую сферу влияния, освещается в статьях Н. Неймарка и С. Райека. Работа Неймарка свидетельствует о хорошем знании автором не только зарубежной, но и российской историографии данного вопроса; Неймарк также оперирует российскими публикациями документов, что придает весомость его аргументации. В продолжающихся историографических дискуссиях о начале советизации стран Восточной Европы (сразу после вступления в эти страны Красной Армии или в связи с началом “холодной войны” в 1947–1948 гг.) Неймарк солидаризируется с последней точкой зрения (с. 196).

Неймарк сомневается в том, что в 1944–1945 гг. Сталин имел твердое намерение создать коммунистический блок в Восточной Европе; историк отмечает внимание советского лидера к национальным целям и нуждам этих стран (национальный путь к социализму), попытки Сталина оживить идеи “славянского братства” (с. 175, 183). По мнению Неймарка, 1944–1945 гг. можно считать первой ступенью формирования режима “народных демократий” при советском участии, но с влиянием внутривнутриполитических сил. Вторая ступень создания стран “народной демократии”, уже с преобладанием в национальных правительствах коммунистов, закончилась в 1947–1948 гг. Затем последовала сталинизация стран Восточной Европы (с. 184, 188, 191–195). Выявляя взаимосвязь этих событий с “холодной войной”, Неймарк отмечает, что “холодная война” возникла из-за напряженности вокруг “плана Маршалла”: жесткого отказа от него СССР (воспрепятствовавшего также восточноевропейским странам участвовать в нем) и создания Коминформа в 1947 г. В 1948 г. “холодная война” усилилась вследствие коммунистического переворота в Чехословакии, блокады Берлина и советско-югославского раскола (с. 192).

Рассмотрение С. Райеком установления коммунистических режимов в Югославии и Албании, а также в Румынии и Болгарии, дополняет материал, изложенный в статье Неймарка. Однако в основном внимание Райека фокусируется на таких событиях на Балканском полуострове, как гражданская война в Греции и исключение Югославии из социалистического блока в 1948 г., которые способствовали развитию “холодной войны”. Кровавые события в Греции 1944 г., сопровождавшиеся военным вмешательством Великобритании и отказом Сталина помочь коммунистическому Национальному Фронту Освобождения захватить контроль над страной, и начавшаяся в 1946 г. гражданскую войну автор называет первым “крупным” и “вооруженным” конфликтом необъявленной “холодной войны” (с. 198, 219). При этом в качестве первого конфликта периода “холодной войны” им также упоминается и Триестский кризис 1945 г. (с. 202).

Автор статьи не соглашается с утверждением, что закрытие югославо-греческой границы в июле 1949 г. положило конец коммунистическому восстанию в Греции. Райек отмечает, что поражение вооруженных сил коммунистов Греции было предрешено. Закрытие границы явилось уступкой Белграда Западу ввиду обострения отношений с СССР (с. 206). С привлечением архивных документов в статье показано, что ответственность за раскол советско-югославских отношений несет советская сторона. Автор подчеркивает, что Тито вступил на путь независимой внешней политики только после разрыва со Сталиным (с. 213). В целом в статье дается высокая оценка политики Югославии с точки зрения ее влияния на процесс десталинизации в коммунистическом мире и вклада в становление Движения неприсоединения. Автор приходит к выводу о влиянии местной специфики и исторического наследия Балкан на развитие “холодной войны” в этом регионе (с. 220).

Новизна статьи У. Хичкока о “плане Маршалла” обусловлена тем, что автор сместил фокус своего исследования с экономической стороны программы восстановления Европы, выдвинутой госсекретарем США в июне 1947 г., на ее политическое значение. Опираясь на архивные источники, Хичкок подвергает сомнению экономические достижения “плана Маршалла” и полагает, что восстановление экономики Европы могло обойтись и без этой программы, однако автор признает значимость “долларовых вливаний” для закупки импортного сырья и, тем самым, для расширения промышленного производства (с. 159, 160). По мнению Хичкока, экономические достижения “плана Маршалла”, оказавшего различное влияние на экономику каждой из европейских стран-получателей американской помощи, могут служить предметом для дискуссий, но историки согласны в том, что программа помощи Европе имела важное политическое и даже культурное значение (с. 166). “План Маршалла” помог Европе сделать политический выбор, облегчив приход к власти центристских партий. В нарушение Потсдамских соглашений “план Маршалла” проложил путь к созданию западногерманского государства и тем самым способствовал расколу Европы; он стимулировал новые евро-

пейские планы обеспечения безопасности, влиял на процесс европейской интеграции, способствовал конвергенции США и Европы (с. 166–168, 172). Главный вывод статьи состоит в том, что американская программа помощи Европе заложила основы создания общности идей, экономических связей и путей обеспечения безопасности между США и Европой, которые в дальнейшем стали определяться понятием “Запад” (с. 154). Автор не считает “план Маршалла” началом “холодной войны”, однако подчеркивает, что он стал поворотной точкой в этом процессе, от которой уже не было возврата (с. 167). И с этим следует согласиться.

Еще одной проблемой первых лет “холодной войны”, имевшей многостороннее воздействие на развитие послевоенной конфронтации, являлась война в Корее 1950–1953 гг. В первом томе Корейской войне посвящена статья У. Стьюка, книга которого по этой теме переведена на русский язык³. В статье с учетом новых архивных документов представлены события Корейской войны, начиная от предыстории раздела страны в 1948 г. и кончая анализом региональных и глобальных последствий военных действий.

Отмечая, что США считали инициатором агрессии СССР, автор обращается к изложению современной трактовки Корейской войны, согласно которой Сталин до января 1950 г. отвергал предложение Ким Ир Сена, впервые выдвинутое в марте 1949 г., напасть на Южную Корею. Причинами, побудившими советского лидера изменить свою позицию и дать “зеленый свет” Киму, Стьюк называет овладение СССР ядерным оружием, создание КНР в 1949 г., подготовку советско-китайского договора, подписанного в феврале 1950 г., и выступление Госсекретаря США Д. Ачесона, не упомянувшего Южную Корею и Тайвань в зоне американской безопасности в Азии (с. 274). Важным представляется анализ последствий войны, в котором внимание автора уделено укреплению союзнических отношений западных стран. Стьюк также пишет о расширении влияния США в Азии и укреплении Японии; об усилении международных позиций КНР; об увеличении экономического бремени для СССР в связи с возрастанием его помощи КНДР и КНР; о милитаризации советской экономики; об интенсификации развития тяжелой промышленности в странах Восточного блока, приведшей к политическим кризисам 1950-х годов. Стьюк заключает, что война в Корее стабилизировала конфликт между США и СССР на уровне, не доходящем до большой войны, но за это пришлось заплатить очень высокую цену (с. 287).

Война в Корее нашла отражение в статье китайского историка Нью Джуня “Рождение Китайской Народной Республики и путь к Корейской войне”. Автор подчеркивает, что образование КНР в 1949 г. и война в Корее свидетельствовали о распространении “холодной войны” на Восточную Азию и предопределили модель советско-американской конфронтации в этом регионе (с. 221). В статье подробно освещен дискуссионный вопрос о принятии китайским руководством в октябре 1950 г. решения о вступлении КНР в войну в Корее. Одной из главных причин преодоления Мао Цзедунем оппозиции Политбюро компартии Китая и получения согласия на оказание помощи Северной Корее автор называет блокаду США Тайваньского пролива. Это заставило лидеров КНР в тот момент отказаться от планов силового объединения страны и позволило сосредоточить части китайской армии на границе с Северной Кореей. Другим важным фактором согласия китайского руководства оказать помощь КНДР явилось пересечение войсками США, действовавшими под флагом ООН, 38-й параллели и их продвижение к границам КНР (с. 238, 239).

Процессы распространения “холодной войны” в Азии и влияние Корейской войны на международные отношения рассмотрены в статье американского историка С. Гутри-Шимизу, посвященной взаимоотношениям Японии и США в 1945–1960 гг. Автор подчеркивает, что победа коммунистов в Китае, подписание советско-китайского союзного договора и вступление КНР в войну в Корее усиливали важность Японии во внешней политике США (с. 251). Корейская война способствовала подписанию в 1951 г. “половинчатого” Сан-Францисского мирного договора и американо-японского Договора о

³ Стьюк У. Корейская война. М., 2002.

безопасности, содействовавших планам США по перевооружению Японии, укреплению военно-политических позиций США в Японии, ориентации Токио в “холодной войне” на западный блок (с. 255, 265). В то же время, показывая сложность взаимоотношений США с Японией, автор уделяет внимание антиамериканским настроениям в стране, развитию в ней мощного антиядерного движения.

Важное значение в изучении происхождения “холодной войны” имеет проблема ядерного оружия. Однако составители сборника, очевидно, не придали должного значения статье Д. Холлоуэя «Ядерное оружие и эскалация “холодной войны”, 1945–1962 гг.», поместив ее почти в конец первого тома. Являясь автором книги о советском атомном проекте⁴, Холлоуэй широко использует публикации российских архивных документов и труды российских историков, что позволяет ему провести сравнительный анализ американского и советского взглядов на роль ядерного потенциала. По оценке Холлоуэя, ядерное оружие являлось продуктом “холодной войны” и фактором ее усиления (с. 397). Касаясь 1940-х годов, автор подчеркивает, что обе стороны не собирались воевать друг с другом, но атомная бомба, начиная с ее использования США против Японии в августе 1945 г., “отбрасывала тень” на американско-советские отношения (с. 377–379). Рассматривая угрозу применения ядерного оружия США в Корейской войне, Холлоуэй резюмирует, что какова бы ни была косвенная роль атомных угроз, смерть Сталина в марте 1953 г. явилась ключевым событием в окончании войны в Корее (с. 382). В развитии ядерной стратегии США автор придает особое значение “новому взгляду” Д. Эйзенхауэра, его ставке на ядерное оружие и проводит параллели с теми же процессами в СССР при Н.С. Хрущеве (с. 386). Для обеих сверхдержав Кубинский кризис 1962 г. стал поворотным моментом в “холодной войне”: он дал импульс усилиям по созданию более стабильных советско-американских отношений и сокращению риска ядерной войны (с. 397).

В отдельный блок в первом томе можно выделить статьи Р. Дж. Макмагона, В. Мастны, Ч. Бекеша, Шу Гуан Жана, в которых рассматриваются политика сверхдержав и события в советском блоке со второй половины 1950-х годов. В статье Макмагона, посвященной политике безопасности США, выявляются тактические различия в деятельности администраций Д. Эйзенхауэра и Дж. Кеннеди. По мнению автора, не существовало противоречия между политикой “нового взгляда” Эйзенхауэра, предусматривавшей использование ядерного оружия, и пониманием президентом опасности его применения. Эйзенхауэр настаивал на планировании только тотальной войны между США и СССР, считая эту угрозу сдерживающим фактором (с. 296–297). В политике “гибкого реагирования” Кеннеди Макмагон выделяет сдвиг фокуса в противоборстве США с СССР–КНР на “третий мир”, поддержку президентом антиколониального национализма (с. 306). Отмечая наличие преемственности в политике республиканского и демократического президентов, автор указывает на долгосрочные планы ведения “холодной войны” и победы в ней (с. 311). Это, если судить по статье Леффлера, сближало их с политикой Трумэна.

В статье В. Мастны о внешней политике советского руководства, пришедшего к власти после смерти Сталина, уделено внимание отличиям в позициях Л.П. Берии, Г.М. Маленкова, В.М. Молотова и Н.С. Хрущева по германскому вопросу и взаимоотношениям СССР со странами Запада (с. 315–318). Особое место отводится личности Хрущева, его непоследовательной внешнеполитической деятельности, приведшей к Берлинскому и Кубинскому кризисам. Интересны выводы автора о двойственном влиянии советской системы на Хрущева: вера в ее мощь позволила ему обратиться к политике разрядки в середине 1950-х годов; беспорядки в восточном блоке – вернуться к политике силы. Следствием предоставления первому лицу государства чрезмерной власти явились крайне опасные дипломатические акции Хрущева, особенно во время Берлинского кризиса (с. 333).

Обстоятельная статья венгерского историка Ч. Бекеша посвящена кризисным тенденциям в странах Центрально-Восточной Европы в 1953–1956 гг. В статье проводятся

⁴ Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. Новосибирск, 1997.

различия между политическим характером событий в Польше и Венгрии 1956 г., инспирированных процессом “десталинизации”, и экономическими беспорядками 1953 г. в ГДР и некоторых других странах социалистического лагеря (с. 335). Рассматривая позитивные изменения в восточном блоке, автор обращает внимание на провозглашенную в январе 1956 г. Хрущевым стратегию “более активной дипломатии”, которая до конца 1980-х годов стала моделью внешнеполитического сотрудничества для коммунистических стран Восточной Европы (с. 342). Среди уроков, извлеченных странами восточного блока из событий 1956 г., называются: крушение надежд оппозиции на вмешательство Запада (соблюдение им статус-кво); осознание пределов реформирования, за которым может последовать силовая реакция СССР, и осторожность при последующих попытках либерализации коммунистической системы. Опыт умеренных реформ в Польше 1956 г. как прецедент был использован Чехословакией в 1968 г. (с. 352).

Детальная реконструкция в статье Шу Гуан Жана процесса осложнения советско-китайских отношений в 1954–1962 гг. позволяет судить о специфике “холодной войны” в Азии, на которую накладывало отпечаток начавшееся соперничество СССР и КНР. В статье показаны большие объемы советской помощи КНР, особенно после войны в Корее, которые, однако, не смогли предотвратить нараставшее осложнение двусторонних отношений. Поворотным моментом в распаде советско-китайских союзнических отношений Шу Гуан Жан считает 1960 г. (с. 370, 371). Обращаясь к причинам краха союза двух коммунистических держав, автор солидаризируется с теми современными исследователями, которые оперируют факторами культуры, ценностей, исторической памяти (с. 373). Историк подчеркивает, что единство цели в борьбе против общего противника в “холодной войне” было недостаточным для прочного союза, поскольку на восприятие советскими и китайскими лидерами мотивов поведения друг друга оказывало влияние различие в их национальных культурах (с. 375).

На наш взгляд, при всей важности такого подхода, не следует избегать и традиционных интерпретаций, обращающих внимание на личностный фактор, внешнеполитические установки сторон, международную ситуацию.

Первый том завершается статьями, представляющими менее изученные и новые направления исследования “холодной войны”. Прежде всего обратимся к статье М.П. Брэдли «Деколонизация, глобальный Юг и “холодная война”, 1919–1962 гг.», отражающей усиливающийся интерес исследователей к расширению географических рамок конфронтации. Автор использует понятие “Юг” для обозначения стран “третьего мира”. Бедный “Юг” противопоставляется богатому “Северу”. Автор отмечает влияние Первой и Второй мировых войн на начало деколонизации глобального “Юга” и поворот в развитии “холодной войны” от Европы к периферии после создания КНР и войны в Корее (с. 474). По мнению Брэдли, с 1950 г. процессы деколонизации стали основным полем битвы “холодной войны”, где в борьбе за новых союзников конкурировали американская модель либерального капитализма и советская (позднее – китайская) модели государственного социализма (с. 495). Брэдли уделяет большое внимание роли революционного национализма и Движения неприсоединения в расшатывании биполярной международной системы (с. 481). Подход Брэдли во многом перекликается с точкой зрения Вестада.

Экономические аспекты “холодной войны”, к которым все чаще обращаются современные исследователи, освещены в статьях Ч. Мейера и Д. Пейнтера. Статья Мейера «Мировая экономика и “холодная война” в середине XX в.» помещена составителями в начало первого тома, вслед за статьей Энгермана об идеологии. Однако, на наш взгляд, ее содержание, открывающееся “кухонными дебатами” Р. Никсона и Н.С. Хрущева на Московской выставке в Сокольниках 1959 г., ни хронологически, ни структурно не вписывается в первый блок статей. Концептуальный подход Мейера сводится к тому, что “холодная война”, помимо идеологии и геополитики, включала в себя соревнование двух экономических моделей развития, которое эволюционировало к середине 1960-х годов, вызвав к жизни идеи конвергенции и сдвиг от противоборства по линии “Восток–Запад” к противостоянию “Север–Юг” (с. 46, 52). Как и Брэдли, Мейер связы-

вает начавшийся конфликт “Север–Юг” с распространением “холодной войны” (правда, с конца 1960-х годов) на страны “третьего мира” (с. 53, 62).

В статье Пейнтера акцент в происхождении и развитии “холодной войны” сделан на доступе к стратегическим материалам – урану и нефти, имевшим важное значение для индустриального развития, накопления ядерного потенциала и ведения современных войн (с. 486, 487–489). Автором убедительно показана взаимосвязь сырьевой политики США, Великобритании и СССР с происхождением “холодной войны” и ее эволюцией. Пейнтер подчеркивает, что для США контроль над доступом к иностранным запасам нефти был ключевым приоритетом на протяжении всей “холодной войны”: нефть обеспечивала процветание и солидарность Запада. Зависимость стран Восточной Европы от советского газа и нефти усиливала влияние СССР. США противостояли революционному национализму стран “третьего мира” и стремились к сдерживанию советского влияния, опасаясь лишиться доступа к жизненно важному сырью и тем самым ослабить позиции Запада в “холодной войне” (с. 486, 507). Насыщенность статьи сведениями экономического порядка углубляет понимание внутренней и внешней политики сверхдержав и их союзников.

Теме влияния “холодной войны” на внутривластительское состояние ее участников, все еще недостаточно освоенной с точки зрения методологии и исследовательского поля, посвящены статьи Л. Макененей и Д. Пристланда. Несмотря на общую часть в названии «Мобилизация “холодной войной” и внутренняя политика» (далее у Макененей речь идет о США, а у Пристланда – о Советском Союзе), авторы по-разному подошли к решению поставленной проблемы. Макененей исходит из того, что с помощью исторического метода трудно измерить, как на американские политические институты, культурные образы, ежедневную жизнь влияло мышление “холодной войны” (с. 421). Автора привлекает один из новых междисциплинарных подходов, который отвергает абсолютизацию понятия «культура “холодной войны”» (как синонима понятия “политическая культура”) и обращает внимание на взаимодействие ранее сложившихся в американском обществе социальных и политических тенденций с новыми чертами “холодной войны” (с. 422). С позиций синтеза ряда новых подходов и через анализ бюрократизации государственных институтов, неоднозначности явления маккартизма, страха перед ядерной войной и развития массовой культуры в годы “холодной войны” Макененей стремится показать взаимовлияние внешней и внутренней политики. Историк отмечает плюрализм послевоенного американского общества, что делало «культуру “холодной войны”» (объединяющую дипломатию и внутреннюю политику с сознанием) подверженной влиянию американской “политической культуры”, сложившейся намного раньше (с. 440, 441).

В отличие от Макененей, Пристланд озабочен не методологией исследования, а недостаточным вниманием историков к рассмотрению внутривластительского и социального развития СССР через призму “холодной войны” (с. 442). В качестве причин он указывает на интерес исследователей к воздействию марксистско-ленинской идеологии на советскую политику, ее соотношению с практическими задачами. В связи с этим Пристланд отмечает: «Не настало ли время реконцептуализации советской истории после 1945 г., в которой “холодная война” играла центральную роль?» (с. 443). Хотелось бы уточнить, что речь в этом случае идет о западной историографии. Российскими исследователями уже проделана большая, хотя все еще недостаточная, работа по изучению внутреннего фронта “холодной войны”. Выпущены монографии и статьи, посвященные сталинским идеологическим кампаниям в СССР, связанным с началом “холодной войны”, развитию советского атомного проекта, военно-промышленному комплексу, принятию внешнеполитических решений, пропаганде, хрущевской “оттепели”, развитию литературы и искусства. Об этом можно судить, в частности, по статьям В.О. Печатнова, В. Мастны, Д. Холлоуэйя в первом томе. Да и Пристланд использует в статье материалы из английских изданий книг российских авторов Е.Ю. Зубковой, О.В. Хлевнюка⁵.

⁵ Zubkova E. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957*. New York, 1998; Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953*. New York, 2004.

В рамках концепции борьбы в советском руководстве после смерти Сталина между “идеологическими ортодоксами” (В.М. Молотов) и “технократами” (Г.М. Маленков, с 1960-х годов Н.С. Хрущев), отстаивавшими приоритеты тяжелой или легкой промышленности, в статье рассмотрены внутривластные изменения в СССР. Общественные настроения в СССР и влияние западной культуры проанализированы с учетом исследований российских авторов. В целом статья имеет несколько эклектичный характер.

Одной из востребованных историками новых тем “холодной войны” является ее связь с культурой. Статья Дж. С.Е. Джину-Хеч посвящена европейскому аспекту взаимосвязи “холодной войны” и культуры. Автор рассматривает “холодную войну” с точки зрения противоборства двух различных путей организации культурной жизни, двух возможностей модернизации и сохранения культурных традиций перед лицом массовых социальных изменений (с. 399). Как и Л. Макененей, автор подчеркивает, что “холодная война” не создала, а лишь перестроила многое в экономическом, социальном и культурном развитии Европы. Трансформация культуры происходила бы в послевоенной Европе и без биполярной конфронтации, но обе сверхдержавы использовали психологическую войну и культурное проникновение для ослабления противника в “холодной войне”. С другой стороны, “холодная война” в области культуры порождала в обоих блоках антиправительственные настроения: в Европе – протесты против американской культуры, а в Восточном блоке – требования более открытого общества и обменов с Западом (с. 400). В статье подробно рассмотрена политика США по пропаганде “высокой” и “популярной” американской культуры в Европе, созданию специальных структур и культурных программ, использованию технических достижений. Джину-Хеч подчеркивает, что в итоге США выиграли “первую культурную войну” в 1989–1991 гг., но не выиграли “вторую” – против антиамериканизма, с его отрицательным отношением к американской культуре (с. 419).

Понимая сложности, которые стояли перед составителями и авторами первого тома «Кембриджской истории “холодной войны”» при реализации столь большого проекта и высоко оценивая проделанную ими работу, выскажем некоторые критические замечания. Помимо недостатков структуры первого тома, бросается в глаза разный уровень использования авторами документальных свидетельств, включая архивные документы (например, Ч. Мейер предупреждает читателей, что опирался только на книги и очерки). Встречаются неточности в изложении фактов (так, С. Райек пишет о полноправном членстве США в СЕНТО, но США не вошли в этот военно-политический блок, хотя американские представители принимали участие в работе его военной комиссии). При включении статьи по Великобритании отсутствует статья о послевоенной политике другой крупной европейской державы – Франции.

Однако из комплекса представленных в первом томе статей складывается впечатляющая картина формирования и глобализации “холодной войны”, ее влияния на все стороны жизни общества. Внимательное прочтение тома позволяет составить представление о состоянии историографии “холодной войны” и о перспективах дальнейших исследований.

Второй том «Кембриджской истории “холодной войны”» охватывает, в основном, период 1960–1970-х годов, когда конфронтация сверхдержав – США и СССР, достигнув самого опасного рубежа во время Кубинского ракетного кризиса 1962 г., уступила место политике разрядки, которая явилась попыткой мирного решения взрывоопасных проблем международных отношений. События этих лет подверглись серьезному анализу авторами тома, которые в изучении “холодной войны” опирались на новейшие достижения исследователей из разных стран.

Открывает второй том статья одного из ведущих американских специалистов по изучению “холодной войны” Дж. Гэддиса, которая задает тон всему содержанию тома. Находя параллели в древней истории, в частности, в событиях Пелопонесской войны между Афинами и Спартой, автор анализирует стратегию главных участников разворачивавшейся после Второй мировой войны конфронтации, характеризуя ее как “стратегически тупиковую” с обеих сторон, что и явилось одной из причин затяжного характера

“холодной войны” (с. 9). Эта характеристика применима и к идеологии, где борьба двух несовместимых мировоззрений не оставляла места для компромиссов и примирения. Это было очевидно и в сфере ядерного оружия, применение которого грозило миру полным уничтожением, что не останавливало соперников по конфронтации в стремлении добиться преимуществ за счет наращивания своих арсеналов. Даже в том, что касается союзников сверхдержав, конфронтация нередко подогревалась в связи со стремлением заручиться как можно более широкой поддержкой со стороны малых стран и сохранить ее, потакая их амбициям и фобиям. В результате интересы великих держав часто становились жертвой их сателлитов; в “холодной войне” было достаточно примеров, когда, по известному выражению, “хвост вертел собакой”, а не наоборот (с. 12).

Гэддис продолжает придерживаться точки зрения об истоках и причинах “холодной войны”, сторонники которой возлагают основную ответственность за развязывание послевоенной конфронтации на советское руководство. По мнению Гэддиса, именно Сталин, в отличие от Рузвельта, рассматривал конфронтацию с Западом после Второй мировой войны как неизбежность (с. 5). У советского лидера была “большая стратегия” борьбы с США: американская “политика сдерживания” служила лишь частичным ответом Сталину. Хотя дискуссия о развязывании “холодной войны” хронологически и тематически выходит за рамки данного тома и не становится предметом специального рассмотрения в других статьях, проблема ответственности за “холодную войну” пронизывает весь том.

Эта проблема затрагивается в завершающей том статье В. Лота о “холодной войне” в контексте социальной и экономической истории XX в. Статья Лота, как и статья Гэддиса, имеет обобщающий характер. По мнению Лота, “связь между советским государством и международным движением, которое стремилось разрушить буржуазно-капиталистический строй, означала, что напряженность между Востоком и Западом, помимо идеологических, имела социальные и внутривластные последствия” (с. 506).

Несомненным достоинством издания является внимание, которое уделяется широкому спектру движущих сил и явлений, составляющих историю “холодной войны”. Авторы не ограничиваются дипломатическими и военными аспектами взаимоотношений между двумя противостоявшими блоками и их лидерами. Историки изучают экономические отношения (Р. Купер); проблемы пропаганды и идеологического соперничества (Н. Калл); влияние движений протеста по обе стороны “железного занавеса” на атмосферу “холодной войны” (Дж. Сури). В сфере внимания оказываются вопросы идентичности (Р. Джервис), борьбы разведок (К. Эндрю), процессы европейской интеграции (П. Ладлоу). Впечатляет географический размах опубликованных в томе исследований, включая и такие нетрадиционные для этой области историографии, как Средиземноморье. Роль этого региона как одного из полигонов конфронтации между Востоком и Западом проанализирована в статье Э. Ди Нольфо. Таким образом, авторы сочетают проблемно-хронологический подход с широким географическим контекстом, что существенно расширяет рамки представлений о “холодной войне” и ее влиянии на страны и народы.

В третьем томе еще шире раздвигаются привычные рамки историографии “холодной войны”. В этот том включены статьи по интеллектуальной истории (Я.-В. Мюллер), развитию науки и технологий (Д. Рейнолдс), а также по кажущимся далекими от традиционной истории “холодной войны” аспектам: биосфере, миграциям, потребительскому капитализму (Дж. Макнилл, М. Коннелли, Е. Розенберг).

Наряду с “нетрадиционными” темами, в томе рассматриваются “привычные” сюжеты, связанные с эволюцией международных отношений и влиянием на нее соперничества сверхдержав. Основное внимание уделяется заключительному этапу “холодной войны”, включающему период заката разрядки и раскручивания нового витка конфронтации между СССР и США, после чего под влиянием начатой М.С. Горбачевым политики перестройки произошли сдвиги в советской внешней политике. Следствием перестройки стала коренная трансформация всей системы международных отношений, завершившаяся распадом социалистического лагеря и окончанием “холодной войны”.

Истории разрядки посвящены несколько статей, в которых анализируется комплекс событий, вызвавших новый всплеск конфронтации между СССР и США и происходивших как в сфере отношений между Востоком и Западом, так и в “Третьем мире” – Африке, Азии и Латинской Америке. В статье В.М. Зубока главное внимание уделяется советской составляющей этого процесса. Автор считает, что объяснение “заката” разрядки не может ограничиваться лишь сферой международных отношений, поскольку внешняя политика СССР формировалась в значительной степени под влиянием внутреннего упадка, переживаемого советским строем. Разрядка оставалась заложницей “идеологических пристрастий и стратегических опасений дряхлеющего кремлевского руководства” (с. 111). Хотя в Кремле и были заинтересованы в продолжении политики разрядки, которая служила заменой внутренним экономическим, финансовым и политическим реформ (с. 96), советское руководство не смогло преодолеть свои идеологические представления и примирить интерес к сотрудничеству с Западом с политическими устремлениями на Африканском континенте и на Ближнем и Среднем Востоке.

С Зубоком согласен О. Ньельстад, нарисовавший широкую панораму процесса угасания разрядки, так как, по его мнению, разрядка прекратила свое существование не в одночасье. Скорее, пишет он, “это был медленный процесс размыwania”, в котором множество событий и факторов взаимно усиливали друг друга, подготавливая распад достигнутого в рамках сближения Востока и Запада консенсуса по ряду ключевых вопросов (с. 135). Ньельстад выделяет пять “фундаментальных факторов”, обусловивших коллапс разрядки, в число которых он включает недостаток взаимного доверия между лидерами противостоявших блоков, отсутствие общности ценностей и мировоззрения, а также слабость экономической взаимозависимости СССР и Запада (с. 152–153). Историк также обращает внимание на стремление обеих сторон добиться геополитических преимуществ в соперничестве друг с другом и, наконец, на их нежелание отказаться от гонки вооружений, на которую политических лидеров и с той, и с другой стороны подталкивали интересы военно-промышленного комплекса.

Статьи А. Сайкала о подъеме исламизма, революции в Иране и вводе советских войск в Афганистан, Дж. Коутсуорта о процессах в Латинской Америке и К. Сондерса и С. Онслоу о событиях этого периода на юге Африки наполняют конкретным содержанием многие из соображений, высказываемых Зубоком и Ньельстадом относительно соперничества сверхдержав в различных районах мира.

Значительное внимание в томе уделяется проблеме конца “холодной войны” и ее последствиям для развития системы международных отношений. Все авторы, посвятившие статьи данной проблематике, сходятся во мнении, что главным фактором, приведшим к прекращению конфронтации между Востоком и Западом и к окончанию “холодной войны”, была политика “нового мышления”, провозглашенная М.С. Горбачевым в рамках процесса перестройки. По мнению видного исследователя этого периода А. Брауна, “холодная война” завершилась под влиянием стечения обстоятельств, в результате которого во главе СССР встал лидер с отличным от прежних советских руководителей мировоззрением, способный инициировать “концептуальную революцию как системное изменение” и в сфере внутренней, и в области внешней политики (с. 266). Конкретизируя свою мысль, Браун утверждает, что с самого начала Горбачев стремился к тому, чтобы положить конец “холодной войне”, которая служила препятствием осуществлению его планов реформ (с. 248). При этом Браун ставит под сомнение то, что он называет “общепринятым упрощением”, заключающемся в убеждении, что к отказу от политики конфронтации с Западом Москву подвигло давление со стороны администрации США во главе с Р. Рейганом, в частности в области гонки вооружений (с. 264).

С этим согласна Б. Фишер, которая в статье, посвященной анализу внешней политики США при администрациях Рейгана и Дж. Буша-старшего, приходит к выводу, что роль этих американских президентов в прекращении конфронтации “холодной войны” хотя и критическая, но все же вторичная. Автор считает, что “изменения в советской внешней политике были гораздо большего размаха – и более болезненными – чем изменения в политике США”, и тогда как Горбачев революционизировал страну, Рейган

и Буш скорее реагировали на его новации, чем были их инициаторами (с. 288). Той же точки зрения придерживается и Ж. Левек, который в статье о распаде социалистического лагеря в Восточной Европе рассматривает этот процесс как следствие перемен, происходивших внутри Советского Союза. Кроме того, обращает на себя внимание подчеркивание Левеком одобрения со стороны Москвы победы “бархатных” революций в Восточной Европе (с. 311).

Большинство исследователей относят конец “холодной войны” к 1989 г., когда рухнула Берлинская стена – “мрачный символ железного занавеса” (Х. Хавтендорн) и социалистический лагерь в Европе прекратил существование. Кроме того, как считает Браун, к 1989 г. изменения в Советском Союзе лишили оснований утверждения о коммунистическом характере режима в СССР, что и явилось показателем окончания “холодной войны” как столкновения противоположных общественно-политических систем (с. 262). Однако некоторые исследователи придерживаются точки зрения, что “холодная война” закончилась с прекращением существования одного из соперников по конфронтации – с распадом Советского Союза. Вероятно, публикация статьи о крушении СССР в томе, посвященном концу “холодной войны”, отвечает необходимости учитывать эту точку зрения. Тем не менее, автор этой статьи, А. Правда, не сомневается в том, что “распад Советского Союза был преимущественно результатом действия внутренних факторов” (с. 356). Вместе с тем, эти факторы были самым тесным образом связаны с изменившейся ситуацией на международной арене, прежде всего в Восточной Европе, где пример преобразований, с одной стороны, стимулировал центробежные процессы в СССР, а с другой, являл пример мирного решения проблемы государственной независимости. Это влияние восточноевропейского примера, считает Правда, и способствовало тому, что распад СССР оказался быстрым и мирным процессом (с. 377).

Третий том «Кембриджской истории “холодной войны”» завершает статья Дж. Икенберри, в которой анализируются изменения в системе международных отношений после “холодной войны”. Главным аргументом автора является утверждение, что окончание “холодной войны” не привело к рождению нового порядка на мировой арене, а знаменовало победу единственно жизнеспособной западной либеральной системы во главе с США, сформировавшейся уже в недрах биполярного мира (с. 535). Однако с наступлением третьего тысячелетия эта система вступила в полосу кризиса, вызванного, как утверждает автор, утратой стремления США продолжать играть роль лидера в условиях новых вызовов и угроз (с. 537).

Говоря о недостатках «Кембриджской истории “холодной войны”», следует отметить, что при всей широте затрагиваемых тем и проблем, авторам и составителям книги не удалось полностью преодолеть западно- точнее, американо-центристский подход, который виден во всем, начиная от подбора авторов и заканчивая историографией. Большинство членов авторского коллектива, даже если они имеют некоторые основания считать себя представителями иных, помимо западной, исторических школ, либо постоянно живут, либо работают в США и странах Западной Европы. Что касается историографической основы представленных статей, то даже поверхностный взгляд выявляет значительное преобладание работ, опубликованных в США и западноевропейских странах. Помимо того, что авторы предпочитают в основном цитировать собственные книги и публикации, немногочисленные исследования, появляющиеся в ссылках, за редкими исключениями (кстати, не всегда удачными), отражают точку зрения западной историографии. Даже библиографический обзор в конце томов, который призван дать более широкое представление о состоянии изучения истории “холодной войны” в мировой историографии, не меняет общего впечатления.

Такой “американо-центризм” можно объяснить тем, что в США изучение истории “холодной войны” ушло далеко вперед по сравнению с другими странами. Беспрецедентная открытость архивов США, с которой могут соперничать разве что архивы Великобритании, наряду с другими причинами, способствовала бурному развитию американской историографии “холодной войны”, вырвавшейся далеко вперед.

Однако обескураживает тот факт, что, даже при безусловном превосходстве достижений изучения “холодной войны” в США и других странах Запада, в «Кембриджской истории “холодной войны”», претендующей стать международной историей, слабо или вообще не представлены точки зрения, находки и открытия ученых из других регионов, некогда вовлеченных в блоковое соперничество. Особенно это заметно во втором томе издания.

Следствием этой однобокости является определенная узость в подходах и интерпретации, когда большинство событий рассматривается преимущественно с точки зрения их влияния на позиции США и их союзников. Даже Советский Союз, главный соперник США в послевоенной конфронтации, занимает в трактовках авторов статей второго тома подчиненное положение, не говоря уже о Китае, Индии, Японии – активных игроках на международной арене 1960-1980-х годов.

В третьем томе авторам удалось несколько скорректировать крен в сторону Запада в освящении событий “холодной войны” – во многом благодаря показу исторической роли, которую играл в ее окончании Советский Союз, возглавляемый М.С. Горбачевым. Однако это не мешает нам рассматривать «Кембриджскую историю “холодной войны”» лишь как попытку создания международной истории “холодной войны”.

Обращает на себя внимание “рыхлость” структуры публикации, которая находит свое выражение, в частности, в перекрещивающихся и часто совпадающих сюжетах, анализируемых в статьях разных авторов. Хотя, возможно, такое совпадение и неминуемо, учитывая многофакторность феномена “холодной войны” и взаимосвязанность ее аспектов, оно приводит к многочисленным повторам. Обсуждение одних и тех же сюжетов несколькими авторами скорее свойственно сборникам статей по конкретной узкой тематике, чем публикации, претендующей на широту охвата тем и сюжетов. О недостаточной продуманности структуры издания свидетельствует и появление статей, выбивающихся из объявленной тематики тома. Например, в третьем томе опубликована статья М. Шаллера о роли Японии в международных событиях начиная с 1960 г., хотя хронологически и контекстуально она не очень вписывается в логическую структуру тома.

Тем не менее, при всех указанных недостатках «Кембриджская история “холодной войны”» представляет собой существенный шаг вперед в изучении глобальной конфронтации между Западом и Востоком. Успеху издания способствует хорошо подобранный иллюстративный ряд во всех трех томах – 40 интересных фотографий, карт и диаграмм. Полезен скрупулезно составленный индекс трехтомника, помещенный в конце первого тома.

Выход в свет «Кембриджской истории “холодной войны”» является хорошим поводом для того, чтобы оценить перспективы изучения событий послевоенной глобальной конфронтации российскими исследователями. За последнее десятилетие ими проделана большая работа по выпуску документальных сборников, индивидуальных монографий и сборников статей, посвященных истории “холодной войны” и ее влиянию на вентриполитическое развитие СССР⁶.

⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964, т. 1–3. М., 2003–2008; *Есаков В.Д.* Сталинские “суды чести”: дело КР. М., 2005; *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006; *ее же.* СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007; *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006; *Фурсенко А.А.* Россия и международные кризисы: середина XX века. М., 2006; Советско-американские отношения. Годы разрядки. 1969–1976, т. I, в 2-х кн. М., 2007; История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа. М., 2007; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. М., 2008; *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; *Задорожнюк Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу “бархатной” революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Август 1968–ноябрь 1989. М., 2008; *Мазов С.В.* Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964: неизвестные страницы истории холодной войны. М., 2008.

Деятельность российских историков по выявлению и публикации архивных документов продолжает оставаться одним из приоритетных направлений отечественной историографии “холодной войны”⁷.

В 2010 г. были изданы документы внешней политики СССР периода “перестройки”⁸. Впервые публикуемые записи бесед и переговоров М.С. Горбачева с зарубежными государственными деятелями, записи обсуждений на Политбюро ЦК КПСС задач и итогов международных встреч позволяют познакомиться с процессом принятия важных внешнеполитических решений, внесших вклад в окончание “холодной войны”. Таким образом, перед российскими исследователями открывается перспектива более углубленного изучения новой и многоаспектной темы конца “холодной войны”.

В то же время, продолжается изучение взаимоотношений СССР со странами Восточной и Центральной Европы⁹, состояния советского общества в годы “холодной войны”¹⁰, советской пропаганды¹¹.

Отдельные исследования посвящены таким перспективным и новым для российской историографии темам, как история западноевропейской военной и экономической интеграции, влияние “холодной войны” на процессы в области культуры¹².

В числе новых исследовательских тем следует назвать обращение к изучению многосторонней дипломатии в годы “холодной войны”, в частности роли ООН, неформальных международных организаций и движений. На уровне подготовки диссертационных работ перспективными являются темы советской внешнеполитической пропаганды, рассмотрения отдельных проблем “холодной войны” через призму советской политической карикатуры.

Но, как показывает «Кембриджская история “холодной войны”», при всем стремлении к расширению исследовательского поля, ядром изучения “холодной войны” по-прежнему остается комплекс внешнеполитических проблем, все еще не свободных от “белых пятен”. В этом плане многое зависит от дальнейшего рассекречивания архивных документов, в частности в России.

Таким образом, «Кембриджская история “холодной войны”» не только аккумулирует накопленные знания о событиях “холодной войны”, но и побуждает историков к новым исследованиям.

⁷ Власть и церковь в Восточной Европе, 1944–1953: документы российских архивов в 2-х т. М., 2009; “Пражская весна” и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010; На “краю” советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики, 1945–1960-е годы. М., 2010.

⁸ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. М., 2010.

⁹ Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990 гг. М., 2009; Пражская весна: историческая ретроспектива. М., 2010.

¹⁰ Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М., 2008; Сударииков А.М., Лепешев А.А. Советское государственное руководство и ученые оборонительно-промышленного комплекса в 1945–1955 гг. СПб., 2010.

¹¹ Кормилицын С.В., Лысев А.В. Советское Информбюро, правда и ложь. М., 2010.

¹² Волков М.Н., Лекаренко О.Г. Американская крепость Европа: политика США по укреплению оборонного потенциала стран Западной Европы (1947–1955 гг.). Томск, 2009; Литкин М.А. Британия в поисках Европы: долгий путь в ЕЭС (1957–1974 гг.). СПб., 2009; Крашенинникова В.Ю. Россия–Америка: холодная война культур: как американские ценности преломляют видение России. М., 2007.